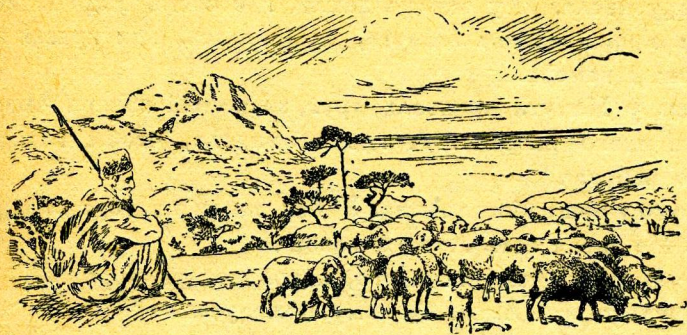

Дар земли

Старый чабан Мамут, очень старый. Такой старый, что, наверное, помнит, как земля делалась.

Стар был Мамут чабан...

Работал Мамут у бея. У бея барашек много, правды мало, а может быть совсем нет. Работы у бея много. Мамут один чабан у него, а стадо большое. Плохо кормил бей чабана, смеялся:

— Ничего, говорит, в горах солнца много, живи, чабан, солнцем!

И жил солнцем старый Мамут...

Всего много было у бея, только правды не было...

Чабан был стар, и была у него старуха. А старик без старухи разве бывает? Только не было у них детей.

Давно это было, кто знает, когда все это было.

Ходил старый чабан по горам, за барашками смотрел, а барашки, как дети: уйдут на яйлу, а потом плачут, глупые. Искал старый чабан Мамут барашек, лазал по камням и лопалась кожа у старого Мамута, на землю падала честная кровь чабана.

Кровь старика Мамута на лицо земли падала, и земля—она всем мать—эту кровь принимала и к самому своему

сердцу несла. И у сердца земли, где очень жарко, кипела кровь чабана Мамута, и делалась, как красивый красный камень.

Был у Мамута приятель, друг, знакомый пахарь Амза. Амза много работал. А где ты видела, чтобы пахарь мало работал?

Тоже у бея работал Амза. У бея земли много, а сердца нет. Не давал есть Амзе и говорил:

— В степи воздуха много, какой воздух хороший.

И плохо жил Амза. А кому пожалуешься?

Много работал Амза на земле, и много пота лил и много слез. И на лицо земли падал пот и слезы, и земля—она всем мать—принимала пот и слезы и к самому сердцу своему несла. И у сердца, где очень жарко, кипели слезы Амзы и там делались крепким, хорошим железом.

Земля знала—людям надо железо...

Когда нужно было старикам к смерти итти, вот что случилось: родили старухи и у Амзы и у Мамута; одна—девочку, другая—мальчика. Назвали их так: мальчика—Сила и Правда, а девочку—Счастье и Радость.

Испугались беи, когда услышали о рождении этих детей.

— Эй,—говорят,—если Сила и Правда, Счастье и Радость вместе по земле пойдут, нам тогда не жить.

И решили они убить мальчика и девочку. А разве Силу убьешь? Разве Счастье убьешь?

И ничего не могли беи сделать с ними.

И решили тогда беи спрятать Силу и Счастье в темную пещеру. Нашли они такую пещеру, собралось их много-много и загнали они в пещеру Силу и Счастье.

Грустно стало на земле...

Но шло время, много времени прошло. Пришли люди настоящие, крепкие, справедливые, и сказали:

— Выпустим Силу и Правду, Счастье и Радость. Пусть по земле ходят.

Но бей не хотели выпустить из пещеры Силу и Правду, Счастье и Радость. И началась битва между беями и людьми справедливыми.

Долго тогда бились и много крови, и пота, и слез упало на лицо земли. Земля—она всем мать—собирала кровь, пот и слезы и к самому сердцу своему несла и там прятала.

И победили беев настоящие, крепкие, справедливые люди, освободили из пещеры Силу и Правду, Радость и Счастье. Тогда сказали эти люди:

— Вот, земля, очистили мы лицо твое от всей грязи, сделали его прекрасным и чистым. Скажи, земля, что ты людям дашь?

— О,—сказала земля,—посмотрите, что я берегла для вас!

И раскрыла сердце свое.

— Большие сокровища у меня есть. Берите их и сделайте себя богатыми и счастливыми.

Так сказала земля.

Взяли люди железо и стали делать машины, чтобы не падало больше человеческого горького пота на лицо земли, чтобы трудились на людей большие и красивые машины. Машинам все легко, а людям возле них радостно работать.

И сделали люди машину—сильную и горячую, с дыханием, как огонь. Резвая машина, лучшему коню за ней не угнаться. Сильная машина, целые дома возит.

И сделали люди машину, которая по полю идет, как корабль по морю плывет, а колос режет, и падает он человеку в руки зерном чистым.

И еще такую машину изобрели, что видит через нее ученый человек, что делается внутри другого человека.

И еще машина есть, в которую можно посмотреть, отчего земля трясется, чем она болеет, чем ей можно помочь.

Много прекрасных машин сделал человек из богатства, которое дала ему земля.

Но потом большие, самые большие люди так сказали:

— Надо показать всему миру, какая наша земля стала чистой и гордой.

— Как сделаем?—спросили их.

И ответили большие люди:

— Сделаем красную звезду из железа, ее укрепим и поставим высоко-высоко. Через горы, через реки, моря, через все страны увидят ее люди и узнают, как нужно жить на земле.

Так и сделали.

Опять пришли к земле и спросили:

— Что подаришь?

Земля сказала:

— Возьмите!—и еще раз раскрыла свое сердце и отдала справедливым людям красный камень.

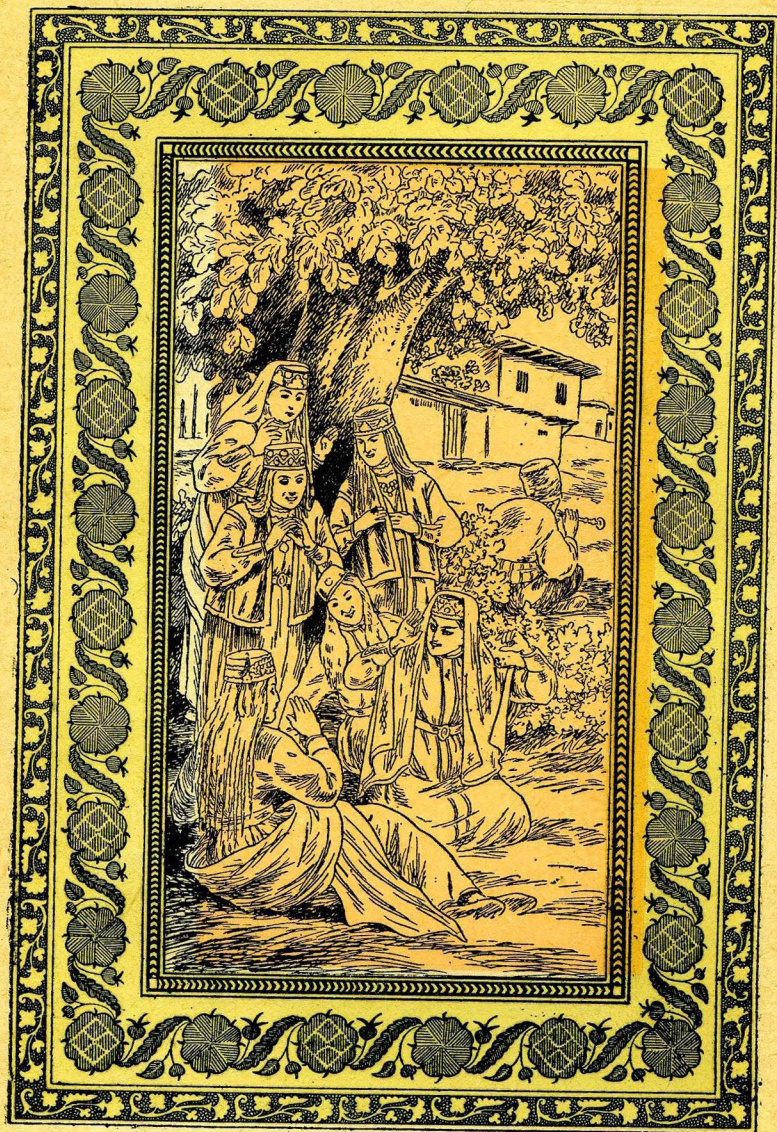
И сделали люди красные звезды. Всюду видны эти звезды, везде видны они: на самую большую гору поднимешься—увидишь, на самой маленькой горке станешь—увидишь. А света в них даже больше чем у солнца.

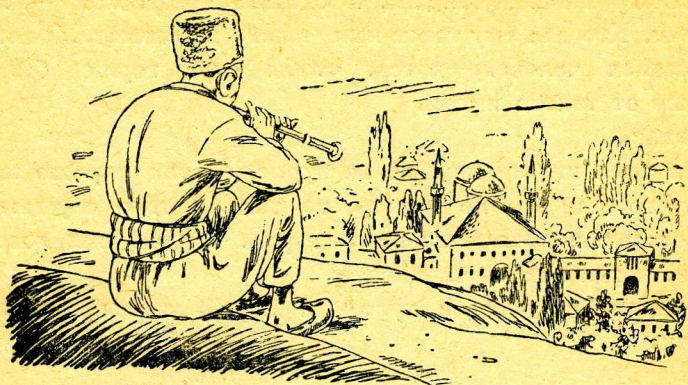
На наши звезды смотрят люди со всех концов света, смотрят и говорят:

— Вот, есть ведь такие люди, что смогли прогнать беев, сделать свою землю чистой и гордой, и за это она отдала им свои богатства, и сделали эти люди жизнь свою такой же яркой, как эти звезды, что сияют перед нами далеко-далеко...

И легче им становится на душе.

К у ю м д ж ы

В нашей деревне много красивых и юношей, и девушек. Чрева матерей сильные, здоровые. Они дали таких прекрасных детей, что старикам было хорошо на них смотреть. На красоте глаз всегда отдыхает; хороши были и девушки, и юноши.

А вот слушай.

В доме одном был ребенок. Ух, какой страшный был мальчик! Уши у него висели, как старые листья, нос был кривой и плоский, как досточка, глаза вылезли и висели на тоненьких ниточках, зубы у него торчали, а один длиннее всех. Голова была вытянута, все тело покрыто шерстью, ноги кривые, рука одна длиннее другой... Ой, какой страшный был!

И сказали в деревне:

— Это не утроба матери его родила, женщина такого родить не может. Он сам откуда-то взялся.

И боялись его и не любили. А он рос и не умирал. И стал он юношей, и на кривых ногах ходил среди прекрасных детей наших, и от этого он казался еще страшней.

Юношу звали Куюмджи, а сказать по-русскому—фиглигран. Кто дал ему такое имя—никто не скажет. Может, посмеялся человек,—хотел, чтобы еще горше было юноше от такого имени.

Звали...

Он умел играть хорошо на зурне, он так хорошо играл, что если его не видеть, то так приятно слушать. И веселые и печальные песни играл. И девушки говорили, когда хотели танцевать:

— Иди, спрячься в кусты и играй, а мы плясать будем.

И прятался, бедный, в кусты, и играл.

А у него такое большое и нежное сердце было, и хотелось ему, чтобы его кто-нибудь—не полюбил, нет, а хотя бы пожалел кто-нибудь. Но никто не знал, какое у него сердце, потому что сердце было спрятано за рубашку, за кожу, за мясо, под костями глубоко лежало сердце юноши, и оно умело тосковать, оно умело плакать, и никто не знал, какое оно было прекрасное. Никто не знал.

Однажды юноша шел по мосту через речку. Остановился, посмотрел в зеркало воды, и сам увидел свое страшное лицо. В это время набежал ветерок и зарябил воду. И юноша сказал:

— Вот, даже речка не хочет, чтобы мое отражение было на ней.

И ответила ему речка:

— Неправда, юноша, я добрая, и сердце человеческое понимаю. Я вижу, какая душа у человека, хорошая или плохая. Посмотри, несу я на себе маленький листочек. Он был желт, сморщен, совсем мертвый. Посмотри, каким я сделала его, нагнись.

Пошел юноша вдоль речки и увидел, что на песке лежит сеточка листа дубового; тела у листа не было, одна

душа осталась. Красивая, нежная сеточка. Взял Куюмджи на свои кривые руки листочек, не дышал, боялся, что листочек вылетит, и только смотрел своими страшными глазами и думал: отчего так прекрасен листок.

— Э-э-э,—сказал он,—да потому, что тела у него нет, одна душа осталась. В плохое тело хорошая душа пряталась. А что, если мое тело страшное убрать совсем, как у листочка этого, что если я свое сердце открою, из него ниточку протяну, и сердце в нитку вытяну и сделаю людям прекрасный узор, как эта сеточка, может быть они меня тогда—пусть не полюбят, нет!—а хотя бы пожалеют...

Юноша так и сделал. Он разрезал и кожу, и мясо, и между костями из сердца стал нитку тянуть. И стал он делать прекрасные узоры, такие красивые, что даже солнце любило на них смотреть. Девушки тоже увидели, им очень понравились узоры и одна, самая красивая, пришла и сказала:

— Я отвернусь от тебя, страшного, и скажу: сделай мне кольцо из той нитки, которую ты тянешь, и надень на мой палец.

— Хорошо,—сказал Куюмджи и сделал прекрасное кольцо.

Девушка брезгливо отвернулась, подала ему палец и он на палец надел ей кольцо из той нити, которую вытянул из сердца.

И вдруг люди испугались. На глазах у всех девушка стала страшной и некрасивой, потому что все нутро ее вылезло наружу, а все, что было на ней снаружи—исчезло. Осталась только душа девушки, грубая, брезгливая, которая юношу даже пожалеть не сумела.

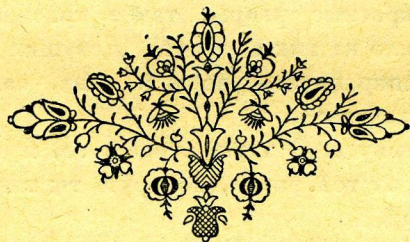
Девушка сбросила кольцо с пальца и снова стала прекрасной, но никто ей уже не верил, что она красивая...

Долго еще юноша тянул нитку из своего сердца, а

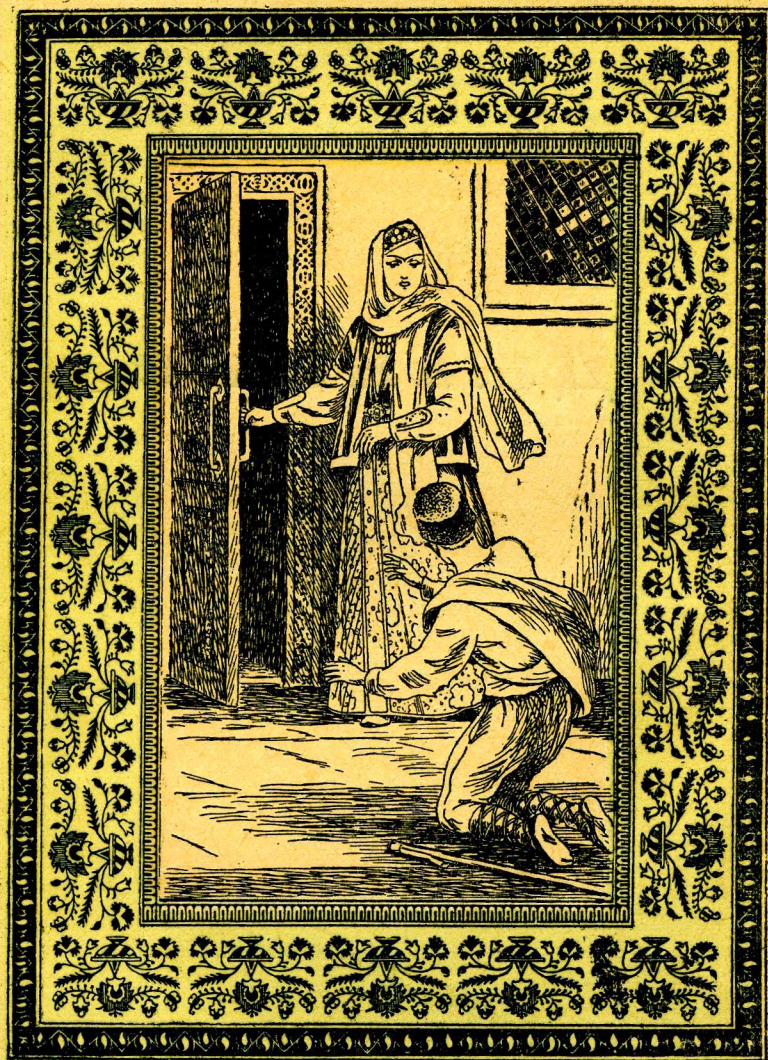
потом он ^исделал последний узор невиданной красоты, положил его около себя и умер, и тогда только люди увидели, как он был прекрасен...

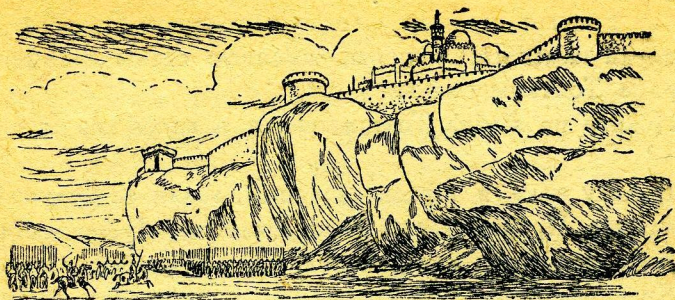
И с той поры дали они узору из нитей имя Куюмджы.

Если захочешь увидеть этот узор, если хочешь увидеть вещь, которая душу твою растрогает, приезжай к нам, в Бахчисарай, посмотри на филигранщиков, как ловко и быстро их руки ткут узор, и тебе вспомнится юноша Куюмджы: его прекрасная душа светится в каждом виточке...

Д ж а н ы к е

Вот, смотри, крепкие стены Кирк-Юры, у-ух, какие крепкие. Если ты вот так даже руки разведешь, стену все равно не обнимешь. Толстые стены, крепкая крепость. И ворота железные, и замки, наверное, были — каждый с пуд. А за стенами кто жил, знаешь?

Тохтамыш-хан. Что сказать? Тохтамыш-хан — это мало сказать! Какой был хан? Не хотят глаза смотреть, такой страшный был. У него — люди говорили — тело шерстью поросло, он был рыжий, голова у него была, как у барана, зрачки у него поперек глаз стояли, таких глаз у человека не бывает.

Он никогда не кричал, Тохтамыш-хан, но люди даже шопота его боялись. Богат был Тохтамыш. А где ты видела бедного хана? Всего много было у него. В его каменных пещерах стояли сундуки богатые, сундуки с большими замками. Но, женщина, лучше не открывай ты крышки этих сундуков. Если откроешь, глупая, ты подумаешь, что солнце украли и спрятали в сундук, посмотришь и ослепнешь. Это не солнце, это богатые одежды с камнями драгоценными, золото нашито на одежды. Только ты их руками не трогай, не надо, пусть лежат. Липкие они, потому что богатство Тохтамыш-хана по рекам

крови пришло, пришло и легло в сундуки. Стерегут эти сундуки каменные пещеры, каменные стены и каменное сердце Тохтамыш-хана.

Никого не любил Тохтамыш-хан, а какой хан кого любит?

Была у него в гареме девушка, звали ее—слушай!—Джаныке. И, правду, она была Джаныке. Душевная была, добрая, ласковая, как ребенок, как мать всем ласковая.

Красивая была Джаныке. Только в груди у Джаныке какая-то птица всегда ютилась. Так думала Джаныке. Не знала, глупенькая, что в груди у нее большой недуг, болезнь страшная. Отда, матери у нее не было, а Тохтамыш купил ее в Бахчисарае, внизу, купил девочку и спрятал, как голубя в клетку, и растил для себя в своем гареме, а чтобы люди не говорили плохого, дочерью назвал.

Все боялись Тохтамыша, и маленькая Джаныке боялась. Придет в гарем Тохтамыш, спросит, как живешь? Живу, говорит Джаныке. Большую рыжую руку положит на ее голову, и казалось Джаныке, что голова отвалится.

Всего много у Тохтамыша, но самое главное сокровище—Джаныке. Как сильно любил ее! Так люди не любят.

Однажды пришла беда на Тохтамыша. Крепость Кирк-Юры окружили враги, с двух сторон шли, большое войско. Они били в даул¹, они кричали, они уже радовались. Знали враги—в крепости воды нет, а без воды как жить будешь? Знали враги, что им не нужно головами в камни стучать. Подождем, говорили враги, у нас времени много. Вода у нас, хлеб у нас, а Тохтамыш-хан, когда заставим, он сам свои железные ворота откроет, он сам на шелковой подушке ключи вынесет и попросит: примите, все ваше. Так говорили враги. А за сте-

¹ Барабан.

ной Тохтамыш-хан ходил, как дикий зверь, как барс злой, страшный.

Нет воды, а дни идут, а птица Клафт ни разу свои крылья не раскрыла над Кирк-Юры, и люди скоро стали падать, как падают осенние листья с деревьев. Каменное сердце было у Тохтамыша. Он боялся за свои соколовища, а людей не жалел. Он заставил их бросать камни вниз, на врагов, и злобно говорил своим людям:

— Думаете, я своими руками открою ворота? Если у меня камней не хватит, я ворота вашими головами забросаю.

Люди сначала боялись, а потом уже ничего не чувствовали, им было все равно. Без воды разве будешь жить?

И стало тихо в крепости Кирк-Юры, никто не пел песен. У матерей в груди не только молока, крови не выдавишь, и падали быстрее всех маленькие дети. Как было жалко! А воды все нет. Джаныке в гареме дивилась, почему так тихо в Кирк-Юры, почему никто ничего не говорит, почему даже собаки не лают, а няньки в ответ ей только плечами пожимали, няньки знали, а сказать нельзя.

А потом к Джаныке в гарем пришел мальчик-пастушок Али. Он пришел, смиренно опустил голову и сказал так:

— Слушай, Джаныке, пусть простит мне аллах преступления мои. Вот видишь, я мужчина, а не смотрю на тебя, пусть мои глаза не оскорбят тебя, девушку. Не бойся, выслушай меня, я ведь пришел от народа. Слушай, Джаныке, люди о тебе говорят, что ты никогда не сказала неправды, что твои розовые губы никого не обидели. Слушай, Джаныке, люди еще говорят, — дрожа от испуга, говорил Али, — что ты не дочь Тохтамыша, что ты наша, оттуда, из Эски-Юры, что тебя купил Тохтамыш. Если так, Джаныке, то как же твое сердце терпит, как

же ты народу не поможешь? Слушай, что я тебе скажу: там далеко, но ты не бойся, там вода поет, пойдем...

— А зачем нужна вода?—спросила Джаныке.

— Ты не знаешь? Во всем Кирк-Юры нет ни капли воды, маленькие дети падают, умирают и никто не может спасти их. Я хотел проползти туда, где вода, но у меня широкие плечи, а ты—люди говорят про тебя, ты тонка, как ящерица, ты всюду проникнешь. Пойдем со мной, пойдем и помоги людям, ты всюду проникнешь, ты будешь лазить в расщелину и давать оттуда воду, она там поет, а я понесу ее в водоем. Пойдем, ты же наша.

— Что ты, мальчик,—ответила Джаныке,—разве я смею, я же девушка, меня проклянет небо, все меня проклянут, все от меня отвернутся, даже ты, когда вырастешь и станешь большим мужчиной, ты будешь на меня пальцем показывать, и мне нужно будет тогда все равно умереть.

— Что ты, Джаныке,—просил мальчик,—пойдем, Джаныке, пойдем, мы так сделаем, что никто нас не увидит, а грех я на себя весь приму.

— Хорошо,—сказала Джаныке, и они пошли.

Всю ночь девушка и мальчик маленькими бурдюками таскали воду в городской водоем, и уже стало в водоеме воды столько, сколько в маленьком море, и еще носили, и еще носили, а потом, когда уже брызнуло солнце, когда стало хорошо на небе, вдруг из груди девушки улетела птица, даже видела маленькая Джаныке, как она высоко, высоко в небо понеслась. Потом ей стало очень больно и она упала.

И упала она лицом на землю, лицом вниз упала Джаныке, она матери всех матерей стала жаловаться—земле.

Когда стало светло, пришли люди. Первыми появились маленькие люди—дети. Они увидели воду и сказали

просто, как мудрецы: „Смотрите, вода!“ И стали пить. А потом бегали всюду и кричали: „Вода! Вода!“ А большие не поверили, но маленькие люди все говорили: „Смотрите, вода! Вода!“

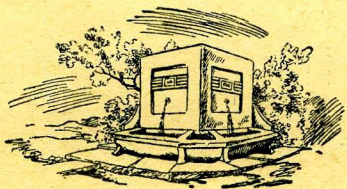
И весело все повторили это слово и стали пить воду. А потом увидели, что Али-пастушонок плачет около какого-то тела, которое лежит на земле, такого маленького, тонкого.

Когда повернули его лицом кверху, увидели и испугались.

— Джаныке!

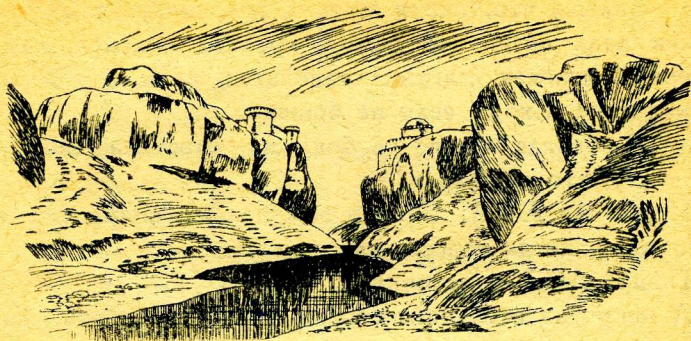
И тогда все понял народ и сказал тогда народ:

— Здесь лежит прекрасная из прекрасных, роза райских садов. О, аллах, уготовь ей лучшее место в цветнике твоём!

**Гордая Айше
из Кыз-Кюлле**

Камни, камни на нашей земле, куда ни посмотришь—
везде камни. Назад посмотри—камни, вперед посмотри—
камни, сюда посмотри—камни, туда посмотри—камни.
Что так много камней в нашем краю?

Вот на Бурунчуке из камня крепость была сложена,
большая крепость. А владела этой крепостью девушка,
звали ее Айше. Сильная девушка была, гордая, ее
сердце не знало жалости. Она никогда никого не любила.

Глаза у нее были черные, и если она на человека ими
посмотрит, когда сердится, ну, тогда от человека оста-
нется один пепел. Лучше на такие глаза не попадаться.

Совсем как мужчина была девушка Айше, никогда
никого не боялась. Дрожали перед ней люди и была
она сильной владельницей крепости своей. И далеко
знали о ней.

Всегда гневная, сильная, а нутро женское. Никогда
никого не любила и любить не хотела, а нутро гово-
рило ей:

— Полюбишь.

И захотелось ей однажды стать мягкой, как все жен-
щины, а не могла. И сказали ей женщины:

— Знаешь что, сходи вниз, к источнику, там у нас такая вода есть, что самый крепкий человек, самый гневный человек мягким становится, если в той воде искупается. Сходи, если не боишься.

— Я никогда ничего не боялась,—ответила Айше.

— Ну, что же, сходи.

И решила Айше: „Пойду выкупаюсь, попробую, как это жить, когда совсем, как женщина“.

Пошла Айше к источнику.

А напротив источника стояла другая крепость—Тепе-Кермен и в ней жил юноша. Глаза у него были голубые, такие, как два горных озера, волосы белые, шаг мягкий, как у кошки. Юноша никогда никого из людей не любил; он любил только собак, лошадей. Женщину юноша никогда не знал.

Все говорили:

— Э, какой он, разве это мужчина?

Но никто не знал, что эти голубые глаза могут быть как два меча, когда они в сильных руках, никто не знал, что если в гневе юноша посмотрит, то этими голубыми глазами срежет голову.

Юноша в тот день тоже был у ручья. Ему не нужно было купаться, он был мягким, ему только хотелось пить. И вот видит он, что пришла к источнику прекрасная девушка. Девушка гордо сжала брови и сказала ему:

— Уйди, юноша, это вода моя.

— Что ты, девушка, эта вода была всегда в моем распоряжении. Уйди ты!

— Как ты смеешь мне приказывать! Разве ты не знаешь, что я Айше из Кыз-Кюлле. Мне никогда еще никто не приказывал.

— Я тебе не приказываю, я тебя прошу—уйди, потому что вода моя.

— Ну, скажи это еще раз и я посмотрю, как ты сгодишь на глазах моих.

— Попробую сказать.

И хотя она гневно посмотрела на него, юноша не дрогнул. Он только поймал взгляд прекрасных черных глаз и в сердце свое спрятал, и в первый раз полюбил.

— Слушай, девушка,—задыхаясь, сказал он,—идем ко мне в крепость, ты моя соседка, теперь я тебя знаю, идем ко мне. Моя крепость несколько не меньше твоей, мы сделаем себя такими сильными, что нас будут бояться далеко за нашей землей. Пойдем ко мне, и я сделаю тебя своей женой.

— Сделаешь?—сказала Айше.—Я не ребенок и мне мамки не нужно. Уйди от воды.

— Нет, зачем же, я не уйду, а лучше иди ко мне в крепость.

И он еще ближе подошел к ней.

— Брось мои руки,—крикнула девушка, когда он сильно сжал их.

И она, гордая, ушла от источника. А потом наверху у себя она рассердилась, ай-яй-яй, как она на всех кричала. Все разбежались. Потом она позвала слуг и сказала им так:

— Идите и скажите ему, пусть поклонится мне, и я его возьму к себе в мужья. Ступайте!

Они пошли. Пришли и сказали:

— Господин наш, наша повелительница сказала, что она тебя берет к себе в мужья. Иди к ней в крепость.

— Берет, говорите вы,—засмеялся юноша.—А я не лошадь. Пускай ко мне придет, если хочет.

— Так!—сказала в бешенстве Айше.—Я тебя заставляю все-таки притти.

И велела всем бросать камни в овраг. И стала сама бросать камни. По-разному бросала: со злобой бросала,

с нежностью бросала. Совсем уже заполнили овраг. А потом стала ждать Айше.

А через овраг, наполненный камнями, пошли два маленьких человечка—девочка и мальчик. Девочка шла на встречу мальчику и стала ему говорить:

— Какие злые люди, забросали овраг камнями, а там, внизу, были такие красивые цветы.

А мальчик говорил сердито:

— Тут, внизу, жили барсуки, я ходил на них смотреть. Зачем закрыли их норы? А ты куда идешь?—спросил он девочку.

— Так, гулять.

— Идем к нам в крепость.

И девочка весело побежала к мальчику в крепость.

Айше смотрела им вслед и думала:

— Ну, что же, и я так пойду, как ребенок? Пойду? Не пойду!

Долго терпела Айше. А потом пошла. Она шла, пошатываясь, и губы ее что-то шептали, она закрывала свое лицо руками и опять шла. И пришла в крепость.

В воротах встретил ее юноша.

— Пришла?—говорил он светлыми глазами.

— Пришла,— отвечала угрюмо Айше.

— Значит—любишь?

— Люблю,—сказала Айше.

А потом высоко подняла руку и в самое сердце кинжалом ударила юношу.

— Люблю,—еще раз сказала Айше.

